

Павел Карякин
г. Челябинск

ЖИТЬ И ЛЮБИТЬ ВО ИМЯ...

Николай Иванов. Семь нот о любви: рассказы.
Москва, 2012 год. – 78 с.

Не выстрелы пою –
а тех, кто шёл под пулями.
Не войне поклоняюсь –
а тем, кто не прятался от неё.

От автора книги

Человек! Что есть человек? Венец природы? Её триумф и, так сказать, завершающая фаза в эволюции? Может быть... Касается ли это только рассудочного, но мы можем чётко сказать, что благодаря разуму человек сумел значительно возвыситься над тем, что создала природа, получив доступ в духовное пространство.

Но было и остается явление, которое сопровождало и сопровождает человечество и по сей день. Явление, родившееся сразу же, как только человек осознал себя как личность. Война – так зовётся это страшное социальное явление.

Однако, в книге современного российского писателя Николая Иванова «Семь нот о любви» центральная тема рассуждений – тема любви. Этот глобальный антипод – тот, что созидает, сохраняет и охраняет путь в завтра и путь в высшее духовное пространство, – и противопоставляется явлению, что калечит, разрушает, убивает.

Речь идет о любви вообще – самой высокой и самой духовной, предполагающей любовь высочайшего значения, подразумевающего идеи прощения, сострадания, самопожертвования...

Данная книга не просто сборник малой прозы о современных войнах, а грамотно построенный, композиционно выверенный тематический цикл. Каждая новелла самодостаточна, но рациональная композиция книги умножает заявленный драматический пафос и значительно усиливает решение общей сверхзадачи.

Вещи написаны чрезвычайно доступным, но притом исключительно выверенным языком – ярким и выразительным. И данный приём – доступное и в тоже время колоритное изложение – лишь усиливает мощь конфликтной составляющей, а также драматический накал.

Флагман цикла – произведение «Золотистый золотой». Это не случайный выбор, поскольку центральное звучание здесь обуславливают три фундаментальных значения высшей любви: христова Вера, материнская жертвенная любовь и, собственно, мать, как сакральный символ начала жизни. Речь идёт о молодом пограничнике, принявшем мученическую смерть за Христа и нестарой еще женщине – матери этого героя, на чью долю выпали страшные испытания. Этот рассказ – от первого и до последнего слова – точно натянутая струна, грозящая вот-вот лопнуть, – звучит исключительно нервно и чрезвычайно надрывно! Драматический пафос усиливается соответствующим повышенно-эмоциональным строем былинно-сказовой речи: «И сказал ей бородатый главарь...», «И показал стволом автомата на горный склон...», «И выслушав её тихий стон...», «И первым, склонив седую голову...», «И вслед за командиром пал на гранитную пыльную крошку...», «И лишь голубое небо неотрывно смотрело...». Сюжет в этом произведении номинальный – всё строится на мощном эмоциональном пафосе. И именно на такой ноте – никак не ниже – воспринимаются и все остальные произведения этого цикла, даже те, что стилистически и жанрово могут определяться как сатира (новелла «Дела земные»).

Рассказ «Тузы бубновые» повествует о буднях двух военных шоферов, везущих пограничников. Чудом избежавшие гибельной аварии, герои рассказа оказываются под прицелом боевиков. И вот, когда кажется, что трагическая развязка неизбежна, боевики уходят без единого выстрела. Молодым ребятам и не пришло в голову, что такого рода милосердие со стороны врага было обусловлено интуитивной и тонкой политической деликатностью начальника заставы: «Про капитана, тамбовского мужика, не вспомнили – ни как он запрещал клацать затворами в аулах, как не давал мотаться по дорогам на скорости, давя в пыли беспечную домашнюю живность, как не разрешал рвать алычу и яблоки, едва не падающие в рот. И про лозунг его – не воевать, а защищать, тоже не подумали». Обмякшие после чудовищного напряжения, что называется, в двух шагах от смерти, они смогли лишь «Что-то о мечети, поднятой из руин заикнуться, но мимоходом», но «Не смогли солдатским умом сопоставить, <...> что тузы бубновые на стёклах – <...> знак, переданный старейшинами боевикам – это хорошие солдаты, этих не трогать...». Никому не нужна война – ни местным, ни пограничникам. Война, как сверхдоходный циничный бизнес, нужна третьим лицам – сильным мира сего или «тузам», если угодно. Тем, кто никогда не возьмут в руки оружия, но на чужом горе получают свой дивиденд. В этом плане выигрышно реализована кольцевая композиция произведения, согласно которой и в начале, и в конце рассказа мы встречаемся с двойниками исторических личностей: Карлом Марксом, Лениным, Сталиным, Николаем II. Здесь интересно сопоставить два перекликающихся фрагмента, – первый в

начале рассказа: «Тени от маршала Победы, потом хватило, чтобы накрыть всю компанию двойников, суетливо деливших гамбургеры и прикрывающихся от фотографов растопыренной пятернёй. А может, выставляли её как таксу: снимок со всеми стоит пятьсот рублей. Пятьсот рубриков постоять рядом с историей, её тузами», и второй фрагмент – в конце: «А в самой Москве, рядом с Красной площадью, самостийные «тузы» выискивали глазами тех, кто готов был заплатить, лишь бы постоять рядом с историей. С теми, кто якобы вершил её для страны. А они, в ожидании своего куша, подкармливали вороньё, слетавшееся на крошки от гамбургеров...». Этот композиционный приём диктует невольную мысль: значительно ли сущностно отличаются сильные мира сего – «тузы» то есть, от уличных фигляров, зарабатывающих на жизнь таким неказистым образом?

Произведение «Контрольный выстрел», наверное, самое неоднозначное. Трогательная школьная любовь: «... у него началась параллельная жизнь. Тенью в тени он перемещался за Кадри по Таллину. Завёл новую, недоступную для матери, тетрадь стихов», которую разделило не только и не столько время и расстояние, сколько очередной политический трюк, известный как «разжигание межнациональной розни», когда сомнительный, совершенно иррациональный и абсурдный политический мотив становится сильнее не только разума, но и чувств: «... прислала [Кадри] пачку листовок с рисунками: границы Эстонии окутаны колючей проволокой в виде свастики и красной звезды». Тяжело переживая разрыв, главный герой «нашёл оправдание и своей выдержке в их обоюдном молчании: тогда, школьником, он влюбился не в саму Кадри, а в белый, не тронутый загаром полумесяц на левой груди». Судьба сотворила настоящий «кульбит», устроив годы спустя встречу главного героя – уже профессионального журналиста, остро нуждавшегося тогда в так называемом «информационном эксклюзиве» (сенсационном материале или «контрольном выстреле», как выражались репортёры), с Кадри, выступавшей в качестве наёмной снайперши на стороне чеченцев: «- Снайпера взяли. // - Не взяли, а растерзали. // - И не снайпера, а бабу», «- Охотились за ней полгода. О её виде просьба ничего не писать, а тем более не фотографировать: ребята патронов не жалели...».

И герой не смог найти в себе сил или, правильнее сказать, нашёл в себе силы не выполнять репортёрское задание, продемонстрировав особенную глубину моральных воззрений: «Лучше не знать. Ему не надо идти туда, где, возможно, расстреляна в упор омовцами его первая любовь. Девочка, у которой однажды распахнулся халатик. А тем более он не имеет права делать из этого сенсации». Очень жёсткая в своей событийной линии новелла превращается в тончайший лирический этюд – щемяще нежный, в своей невинности далёкой школьной любви и потому

ранящий страшно глубоко – как узкий, но длинный и острозаточенный стилет, который по рукоять погружают в сердце.

Герои рассказа «Тот, кто стреляет первым» – своего рода, заложники тонкой политической ситуации. Один неверный шаг, и даже победа (тактического характера, конечно) может обернуться стратегическим поражением. Главный персонаж – опытный воин, волевой, brutальный и весьма безжалостный к врагам: «- ... потом – полный огонь. Безостановочно. Но убиваем не всех. Оставляем как можно больше раненых. // Гуманист? // - Они должны бежать, ползти, катиться назад и сеять панику кровавыми ошметками у себя в тылу. // <...> // - И пусть страна, пославшая их в бой, тащит этих калек на своём горбу всю жизнь. Наука на будущее. Прививка от политического бешенства правителям». В бою он тяжело ранил вражеского спецназовца, который оказался... девушкой. Совершенно неожиданно мы наблюдаем, как меняется образ этого жёсткого и решительного воина: перед нами сочувствующий, а затем и глубоко переживающий человек: «Конечно, будешь стонать с такими ранениями. <...> Но сама виновата, умный в гору не пойдёт... А зацепил и впрямь живот. <...> Пробежала бы метров десять левее. Или правее. А теперь вот лежи...». Ситуация патовая: враги не могут вытащить своего соратника, справедливо опасаясь огня с вражеской стороны, девушка же вот-вот умрёт, если ей не оказать помощь. И тогда главный персонаж совершает поступок, совершенно безумный, с точки зрения чистой логики и здравого рассудка, но абсолютно нетривиальный в своём нравственном и гуманистическом порыве: герой пытается спасти раненого врага и сам оказывается тяжело раненым... Такой неожиданный сюжетный поворот, открывающий благородное мужество, демонстрирует этого сурового воина в совершенно непредставимом до последнего момента качестве. Поступок этот сводит на нет абсолютно все логические доводы «певцов войны» о долге перед страной, чести, государственных и политических интересах!.. Всё это ничто и приобретает абсурдный характер перед ценой человеческой жизни!

Данный цикл интересен наличием рассказа, несколько выходящим за обозначенный жанр – «Дела земные». Однако, несмотря на остросатирический памфлетный мотив, общая высота заявленного пафоса всего цикла не только не падает, но напротив, возрастает. Идея грязно-политического, чего-то очень постыдного: «- ... рейтинги политиков... Господам вновь надо доказывать свою незаменимость. А некоторые даже захотели закрыть Родину грудью. И сходить в бой», когда невольно краснеешь за персонажа (очень важного политика) и кажется, что дальше уже некуда: «- Тут небольшая просьба. <...> Если вдруг будут раненые... <...> Вы уж дайте мне с ними сфотографироваться. Не мне нужно – для буклетов там, листовок. Эффект, так сказать, личного депутатского присутствия...», так вот, когда кажется, что дальше уже некуда, идея

грязно-политического и постыдного вдруг занимает следующий курьезно-пародийный «пьедестал», когда поступает абсурдный приказ представить горе-депутата к награде. Нам, как читателям, до боли важно и необходимо знать, насколько и в такой ситуации остаётся место моральным принципам, офицерской чести. И тот, кому в приказном порядке велено представить «героя» к награде, на сделку с совестью, несмотря на угрозы, не идет: «- Лейтенант! – заорали в трубку <...>. – Я тебе приказываю: за проявленное мужество и героизм представить Махонько к ордену Мужества. // - Пишите сами, – бескровными губами прошептал Ярыш, но его услышали. // - Что-о? Я напишу! Но завтра... завтра ты сдашь роту новому командиру».

Выбор финального произведения – «Помяни, Господи» – безупречно точен. Как и в заглавном рассказе, звучит очень высокая, напряженная нота. Сюжетная основа – сцена похорон неизвестных солдат Первой чеченской войны, но торжественная ода поётся всем безвременно ушедшим воинам. Весь цикл рассказов «Семь нот о любви», часто бескомпромиссный и жёсткий по стилю, а временами пронзительный и щемящий до боли, прорывается жгущим душевным огнем именно в этой новелле, приобретающей в общем контексте усиленное звучание.

О любви было столько сказано и будет сказано ещё больше, ведь это не только фундаментальная тема в мировой культуре и философии, но и то, без чего понятие «человек» существовать не может. Предложенный нашему вниманию цикл рассказов способен к усиленному эмоциональному воздействию на читателя за счет мощной антитезы «любовь-война». Именно на фоне жестоких драматических событий наиболее ярко и выпукло проявляются человеческие качества самого разнообразного свойства и именно на войне, где жестокость, ненависть, жажда крови порой проявляются гипертрофированно, любовь, точно спасительное пламя, как катарсический огненный поток способна очистить души от всего самого чёрного и негативного.

Все произведения цикла, мастеровито выделанные, стилистически однородны и объединены общностью идейного замысла. Материал же данных тем является не только предметом искусства и культуры, но и частью истории, страницы которой предавать забвению мы не имеем права.